

Лондонская премия представляет писателя

Валерий Шилин

Чашка кофе

Лондонская премия представляет писателя

Валерий Шилин

Чашка кофе

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шилин В.

Чашка кофе / В. Шилин — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-00153-169-2

В сборник «Чашка кофе» вошли рассказы, написанные в период с 2000 по 2019 год. В своих рассказах В. Шилин откровенно, с любовью пишет о великих современниках, российских конструкторах-оружейниках, с которыми автор был знаком лично, о судьбах соотечественников, граждан России, живущих в нашей стране и далеко за её пределами. Богатая событиями жизнь на стыке культур наложила своеобразный отпечаток на творчество В. Шилина. Накопленный жизненный материал, кросс-культурные и деловые связи, особенности национальных характеров, традиций и обычаев, проблемы чистоты родного языка, уважительное отношение к культуре иных этносов прочно вошли в литературную канву его работ.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-169-2

© Шилин В., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Время и мы	7
Об особенностях национального менталитета	12
Картинки из прошлого	19
От тайги до британских морей	23
Иван Петрович	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Шилин

Чашка кофе

© Валерий Шилин, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Валерий Шилин родился в 1952 году в Кемеровской области.

В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Пишет на родном русском и английском языках. Владеет английским и немецким. В устной форме общается на арабском языке.

Более 40 лет жил в Ижевске, где работал на предприятиях российского ВПК в сфере внешнеэкономических связей в качестве переводчика, специалиста-оружейника и маркетолога в области стрелкового оружия. За годы профессиональной деятельности в командировках был более чем в 60 странах мира.

Жизнь на стыке культур наложила своеобразный отпечаток на творчество В. Шилина.

В настоящее время проживает в Пятигорске.

Его имя хорошо известно по публицистическим военно-техническим, оружейным статьям в России и восьми странах мира – 18 издательств.

Выпустил две книги по истории советского и российского стрелкового оружия на английском языке – издательства Paladin и Global Consultants, Inc., США.

В России журналами «День и ночь» (г. Красноярск), «Луч» (г. Ижевск) в разные годы напечатано несколько его работ в жанре художественной прозы.

Член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов (2000 г.).
Удостоверение № БА-5599.

Время и мы

Признаюсь честно, участвовать в различных презентациях и приёмах, ставших сегодня рутинными светскими мероприятиями, мне приходится не оттого, что очень нравится, а потому, что того требуют сложившиеся правила деловых отношений и этикет: если приглашают, без чрезвычайных обстоятельств отказать нельзя; бизнес – в первую очередь.

В большинстве случаев ходить на всё это просто скучно. Условности утомляют. Столько времени тратится впустую – болтовни много, а сути мало. Времени жалко. Его и так катастрофически не хватает. «Ах, удивил, – с сарказмом скажет иной. – Проблема дефицита времени не нова и в наши дни известна каждому».

Иной раз кажется, что из философской время превратилось в категорию бытовую, житейскую.

Замечено, время может менять скорость своего течения, но это *переключение* происходит в нас самих. Технический прогресс делает нашу жизнь всё более интенсивной, более насыщенной событиями и явлениями.

Время и скорость жизни. Если по законам физики *скорость движения* – это количество единиц пространства, преодолеваемых каким-либо телом или группой тел за единицу времени, то *скорость жизни* – это количество событий, чувств и ощущений, происходящих не столько в физическом мире вокруг человека и даже в самом человеке. Сам мир и мироощущение зависят, как ни парадоксально это может показаться с материалистической точки зрения, от мыслей и душевного (и даже духовного) состояния человека. Ты видишь и ощущаешь мир – людей и предметы таким, каким ты этого хочешь, что не всегда может быть истиной. Для видения истинного мира требуются колоссальная внутренняя работа, прозрение и просвещение. Поэтому мир и время меняются не только в объективном понимании. Эти трансформации происходят и внутри нас...

Цена времени. В чём же она? Разные люди по-разному это понимают. Кто-то утверждает: время – деньги.

Один мой американский коллега как-то признался: «Каждая минута моего времени стоит примерно три доллара. Работаю ли я, сплю, провожу ли время с друзьями или еду в машине – мой money meter, мой *денежный счётчик*, работает. Как это получается? Мой совокупный годовой доход составляет примерно полтора миллиона долларов, годовой бюджет времени – 525 600 минут. Вот и вся нехитрая математика. Время для меня делится на *продуктивное*. Это когда я читаю лекции, пишу статьи, даю платные консультации, участвую в различных проектах. И на *непродуктивное*: сон, еда, общение со своими престарелыми родителями. Собственной семьёй я не обзавёлся. Вначале думал, что рано, а потом вдруг понял, что уже слишком поздно. Мне некогда самому делать уборку в доме, ухаживать за палисадником, ходить в театр, заниматься рыбалкой, охотой. За порядок в доме и в саду я плачу человеку с меньшим, как мне кажется, КПД – *коэффициентом полезного действия*. Я уже забыл, что такое отпуск, сплю по четыре-пять часов в сутки. С женщинами вообще перестал иметь иные, чем работа, связи».

Я подумал: «Если бы он сбавил темп и смог бы зарабатывать не полтора миллиона, а, скажем, 500 тысяч, неужели бы ему не хватило этого на его холостяцкую жизнь?» Я ведь знаю, он эти деньги всё равно не тратит, а кладёт в банк. Для того чтобы на такой доход открыть действительно серьёзный бизнес, его сбережений не хватит. Так для чего же эти жертвы? Разве только копить на старость? Но мудрые люди поучают: «У твоего последнего пиджака всё равно нет карманов». Вместо вопроса я предложил ему старинную байку «О рыбаке и капиталисте», которую мне ещё в молодости рассказал товарищ по работе.

* * *

Лежит на берегу моря рыбак, нежится в лучах солнца. Рядом – его уютная лодчонка. Проходит мимо капиталист.

– Ты почему бездельничаешь и зря время теряешь? – спрашивает он. – Сегодня рыба идёт косяками! Спешу в море, лови, пока есть шанс.

– А для чего мне это? – отвечает рыбак. – Я уже своё поймал, на сегодня хватит. Надо и расслабиться.

– Глупец, ты наловишь много, очень много рыбы, выгодно её продашь, купишь себе новые сети, новую лодку – будешь ещё больше ловить. Потом купишь ихуну, наймёшь других рыбаков. Будут они на тебя работать, а ты тогда сможешь лежать на пляже и наслаждаться жизнью. Разве не в этом смысл жизни?

Подумал, подумал рыбак и ответил:

– Зачем все эти сложности? Я и так лежу на песочке, наслаждаюсь. Я не тороплюсь. Меня моя жизнь вполне устлавает.

* * *

Мой приятель никак не прокомментировал этот рассказ, только вздохнул, глянул на часы и стал собираться на очередной business appointment – деловую встречу, говоря по-русски.

Как мне кажется, человечество вступило в иное временное измерение с появлением первого, по-настоящему массового общественного транспорта – пассажирского поезда.

Извозчик в старину и такси сегодня работают по вызову, подстраиваются под клиента, а вот железная дорога первой заставила человека подстраиваться под свой жёсткий график. Потом уж всё поехало-полетело: трамваи, автобусы, троллейбусы, самолёты... Одним словом, публичный транспорт твёрдо и уверенно вошёл в наш быт, стал регулятором нашего времени. На работу и с работы – по часам. К врачу, юристу, чиновнику. Даже к другу на день рождения – и то в строго обозначенное время. А ведь, казалось, совсем ещё недавно, ритм жизни строился по иным меркам.

На Урале, в нашей российской промышленной глубинке, старые люди рассказывают такую быль о прошедших временах и правилах.

Утром пропел первый заводской гудок – сигнал к пробуждению ото сна. Пора вставать! Второй гудок – пора выходить из дому на работу. Не засиживайся, люд работный! В третий раз дают сигнал уже в самом начале первой смены. К этому моменту каждый был обязан быть на своём рабочем месте. В конце трудового дня – последний гудок. И так – каждый день.

У человека заводской ритм закрепляется до автоматизма. Мозг сам даёт себе сигналы. Ранним часом ты без посторонней помощи просыпаешься за несколько минут до будильника – заводского гудка. Сегодня люди просвещённые называют этот феномен биочасами.

В стародавние времена, до эпохи индустриализации, для измерения времени хватало песочных и даже солнечных часов, но технический прогресс заставил человека изобрести более точный хронометр – механический, а потом электронный и даже атомный. Промышленный город пустился в гонку со временем. Каждая секунда, каждый миг на счету. И только в деревне всё оставалось по-прежнему. Пропел петух, взошло солнце – пора приниматься за дела по хозяйству. Солнце село – время отдыхать. Так было когда-то.

Время ощущается нами по-разному. Для молодого любовника, жаждущего встречи с пассией, часы и минуты ожидания тянутся невероятно долго. Зато потом, в ласках и объятиях, время как бы сжимается и пролетает как одно мгновение. И наоборот. Когда не знаешь, чем себя занять, время тянется, а то и вовсе останавливается.

Учёные утверждают, что ощущение времени человеком – явление социальное, результат общественного развития. Некоторые убеждены, что мера времени имеет и национальные особенности. Разные народы, разные культуры по-разному понимают его течение.

Тем, кому довелось работать и общаться с арабами, хорошо известно, как, по нашей оценке, расточительно транжируют они время. Нам, уже привыкшим к пунктуальности, иногда кажется, что они, люди с Востока, не умеют ценить это качество. Назначив встречу, арабский шейх может с лёгкостью опоздать на час-другой. У тебя уже иссяк весь запас терпения, а он приходит, искренне улыбается, как будто ничего не случилось. И действительно, для него ничего необычного не случилось. Всё идёт привычной чередой.

Вот вы сели за стол переговоров. Ты с ходу «берёшь быка за рога», начинаешь о деле, а его эта тема, похоже, вовсе не интересует. Ты ему говоришь, что надо решение принимать, график действий утверждать, а он и тут не торопится: «Ба'аден, букра, инш'алла!» («Потом, завтра, если Аллаху будет угодно»). А всё потому, что наши взгляды на события и явления, оценки и модели поведения имеют различия. Время для нас проистекает как бы в иных единицах измерения, имеет свою ценность. Время не может конкурировать с устоявшимся культурным этикетом. На арабском Востоке люди по-прежнему крепко чтят заповеди старших, старинные обычаи и традиции.

Дело здесь, согласитесь, не столько в том, что твой напарник – араб. Также примерно выглядят и африканцы, и жители Юго-Восточной Азии. Причина заключается всё же не только в национальных, этнических особенностях. Среди кувейтян, катарцев, индийцев, камерунцев, тайцев есть люди, которые нам, детям так называемой западной цивилизации, дадут сто очков вперёд, когда дело касается распределения и рационального расходования времени, но это рассматривается нами скорее как нечто нетипичное, как исключение из общих правил.

Наши мышление и суждения в известной мере зависят от стереотипов. Убеждён, что масштаб времени зависит от уклада жизни, от степени индустриализации общества, от влияния этой самой индустриализации на человеческое сознание.

* * *

В Сахаре, в оазисе Бени-Валид, знал я одного пастуха по имени Али. Утром мы с товарищами едем на работу, а он уже выгнал овец на пастбище, сам же сел на бугорок, чтобы лучше скотину видно было. В течение дня я несколько раз проезжаю на машине мимо этого места – от стройплощадки до офиса и обратно. Вижу, как он то на дудочке играет, то ляжет на бок, подопрёт голову рукой, дремлет. На обед мы строго по часам спешим, а он, когда солнце начнёт сильно припекать, перегоняет стадо в тень акаций. Обедать сейчас он не будет – жарко. Вечером, порядочно уставший, я возвращаюсь домой, а пастух гонит свою отару к водопою. Его рабочий день хоть и длиннее моего, но выглядит он свежее и бодрее меня. Он счастлив, улыбается и приветливо машет мне рукой. Как бы мы сказали – дитя природы, он ближе к естеству и гармонии.

* * *

Нынче мы заковали себя в цепи условностей. Помню, как-то меня пригласили принять участие в международном симпозиуме в Королевской военной академии. Заселившись в комнату при общежитии для офицерского состава, я обратил внимание на рамочку, висевшую над рабочим столом. Там – «Свод правил» и «Распорядок дня» для слушателя академии, где написано всё – от того, в какой форме одежды ты обязан являться на те или иные коллективные мероприятия, до времени и места, где и когда эти мероприятия будут происходить. Тогда я немало удивился существующим строгостям. Оказывается, британскому офицеру разрешается

появляться на завтраке только в форменных брюках, рубашке с воротником, а не в майке, и в уставной обуви. Только по Уставу! Никаких поблажек!

«Ладно, – подумал я про себя, – у военных везде, во всём мире – свои особые законы. Однако чему удивляться?»

Бескомпромиссный дресс-код и Кодекс корпоративной этики – не новинка и у нас в России, на наших промышленных предприятиях, в крупных и уважающих себя фирмах. Да разве только в них? Регламент времени и поведения распisan и в нашей обыденной жизни.

А вот в азиатских странах до сих пор действуют свои, более либеральные уставы. На Востоке, к примеру, в гости обычно не приглашают, кроме особых случаев, вроде свадьбы. Тогда не открыточку присылают, а гонца, вестового. Навестить своего друга ты можешь в любое время. Тебе всегда рады, встретят с почестями.

Как дань уважения хозяину, такие визиты длятся и день, и два, а то и больше. Если гость рано засобирается домой, хозяин может истолковать это как недовольство приёмом. Сегодня принимают тебя, а завтра или послезавтра (или ещё когда – время не в счёт) – друзей по всем правилам будешь встречать ты.

В Индонезии, на острове Калимантан, наш гид рассказывал, как его дальний родственник, живущий в такой глуши, где люди до сих не знают ни электричества, ни телефона, решил навестить свою сестру, давно переехавшую жить в город. Почти неделю в одиночку шёл он пешком по джунглям. Неизвестно, каким чудом он не заблудился и нашёл нужный ему дом. Когда утром сестра открыла дверь и на пороге увидела брата, ничего не спрашивая, не проявляя удивления, как должное, пригласила брата в дом, вымыла ему ноги, накормила, напоила, уделила ему внимание и время. Брат прожил у неё несколько дней, и она ни разу не спросила, как долго он ещё будет гостевать. А тот, когда нагостился, без лишних хлопот и долгих прощаний, просто сказал: «Ну вот, повидались. Спасибо за всё». Собрался и так же, пешком, отправился восвояси.

Вспоминается такой случай из практики работы в Ираке. Наша группа специалистов славно потрудились, на пять баллов выполнила одно очень важное контрактное задание. Министр промышленности, возглавлявший сторону заказчика, по этому случаю решил устроить банкет. Время шло, приближалась дата намеченного мероприятия, но, к нашему удивлению, никто из россиян официальных приглашений так и не получал. Накануне события, сидя за чаем, старший иракский офицер спросил меня, буду ли я участвовать в официальном приёме. Не мудрствуя лукаво, я резанул без дипломатии, что не имею представления, о чём тот спрашивает, никто никаких приглашений не получал, и я – тоже. Несколько смущённый офицер сказал, что где-то кто-то недоработал, но обещал до конца дня во всём разобраться.

То, что я получил, напроць поразило: в изысканно подписанном именном конверте я обнаружил карточку с не менее изысканным приглашением «...оказать честь иракской стороне своим любезным принятием настоящего официального приглашения...» и так далее, и так далее. Изумляло не только изящество текста, но и то, что накладные буквы текста были выполнены из серебра на дорогущей бумаге с водяными знаками.

Запад и Восток во многом не похожи, и векторы их эволюции долго ещё не сольются в одной точке, за которой будут утрачены национальные традиции и обычаи, колорит и уклад быта...

Спешу сделать оговорку. Я уже много раз убеждался, что нельзя о народе, национальном характере говорить в форме категоричных констатаций. Встречаются, конечно, стереотипы, но они не вечны и имеют свойство меняться. Не стоит также забывать о субъективизме наших собственных оценок. С годами в силу изменения образа жизни, накопившегося опыта, новых знаний трансформируются убеждения и взгляды, некогда казавшиеся незыблемыми. Много можно понять только через призму сравнений.

В детстве и отрочестве, как отмечают большинство людей, дни и годы длятся блаженно долго. Но при этом количество получаемого опыта, знаний, впечатлений исключительно велико. Это и есть свидетельство высокой скорости жизни. Удивительно, но, когда с годами приходит пора человеческой зрелости, когда в дверь к тебе постучала осень, создаётся иллюзия, будто ты по-прежнему участвуешь в гонке со временем. Оно, кажется, просто летит. Ты не успеваешь считать не то что дни и недели – пролетают целые годы! Мы становимся более сентиментальными, склонными к воспоминаниям, мы более подвержены ностальгии. Как ни прозаично это может прозвучать, мы к этому моменту попросту переходим в иной временной масштаб, мы приближаемся к точке перехода в параллельный мир.

Время – наш бесстрастный судья, мерило всего, что происходит в этой жизни и далеко за её пределами. Только с возрастом начинаешь понимать и ценить каждую данную тебе долю секунды. Мы – о глупцы! – пытаемся даже подчинить себе само время, сделать себя бессмертными. Ах, если бы найти мудреца, который научил бы меня сделать его хотя бы своим союзником.

Об особенностях национального менталитета

До Омска предстояло ехать почти два дня. Оплата произведена, общежитие обещано, на вокзале нас должны были встретить.

Группа «семинаристов» – слушателей семинаров повышения квалификации собралась приличная – восемь человек, два купе заняли. Все они раньше практически не встречались, знали друг о друге, считай, понаслышке. Однако «молодо-зелено» быстро сходится, легче преодолевает коммуникативные барьеры – в поезде самый раз познакомиться.

Виталий Вениаминович – по возрасту самый старший в этой группе.

Как заведено, ребята гуляют, веселятся, а Вениаминыч как залез на верхнюю полку, так там и лежит, читает книжки. Девчата даже поспорили, спустится он на ужин или нет. Не мужик какой-то, а бирюк.

В компании была Женя – преподаватель химии из политеха. Бойкая, общительная и пробивная и внешности приятной. Она везде – первая, ей до всего есть дело. У неё на всё своя точка зрения. Она-то и сказала, что Вениаминыч едет на семинар не в качестве слушателя, а читать на семинаре лекции по этнопсихологии и деловой этике.

Вениаминыч её явно заинтересовал. Нет-нет да и поинтересуется Женя:

– Не шумим ли мы, не досаждаем ли вам, Виталий Вениаминович?

Вениаминыч на какой-то момент оторвётся от чтения, свесит голову с полки:

– Гуляй, молодёжь! Я в ваши годы таким же был.

Однако Женечка Вениаминычу не даёт покоя:

– Да вы спускайтесь к нам. Как-то неудобно, мы чай гоняем, едим, а вы всё в стороне.

Перед такой заботой трудно устоять, и Вениаминыч, сняв очки и отложив книгу, слез со своего лабаза. Парни обратили внимание, как легко это у него получилось. Видимо, дядька ещё при силе.

– Ну, куда вы старика посадите?

– Садитесь сюда, – Женя подвинулась, освобождая место.

От предложенной водки Вениаминыч отказался:

– Давление, понимаете ли.

Женечка – само внимание:

– Вот рыбка, вот колбаска. Ешьте, не стесняйтесь. А может, ещё чайку принести?

Слово за слово Вениаминыча молодёжь всё же разговорила. А послушать его и вправду оказалось интересно.

* * *

– Давненько это было, молодые люди. Доверили мне управлять отделом внешних связей крупного отечественного промышленного предприятия. Таких служб на весь тогдашний Советский Союз было немного. Три, если правильно помню.

Заступив на новую и ответственную должность, решил я заняться самообразованием – была в том потребность. Засел за мудрёные книги, стал изучать особенности национальной психологии: традиции, обычаи, убеждения, суеверия, влияние религии на умы граждан. Всё то, что составляет основу этой науки, тогда ещё мало освещаемой. Нельзя сказать, что наш народ вовсе не владел информацией из этой области. Помнится, у нас тогда были повальные волнообразные увлечения японистикой, американистикой, британистикой – всякого рода «истиками». Ребята, те, что из числа немногих, пользуясь эксклюзивной возможностью побывать там, за

бугром, спроворились написать о своих наблюдениях. А простому народу было интересно глянуть на всё это чужими глазами: как там люди-то живут? Интересно, так не по-нашенски.

Из идеологических соображений, чтобы не вносить смуту в ум советского человека, многие вещи из таких книжек просто исключались, не давая им попасть в печать. Но, как говорится, запретный плод сладок.

Всё больше входя в роль, Вениаминыч заговорил о серьёзных вещах.

* * *

– Два слова о теории. Что является предметом исследований этнопсихологии? В качестве доступной и понятной иллюстрации возьмём два примера.

Пример первый. Если в разных концах лабиринта посадить подопытных мышей одного пола, в других углах положить пищу и разместить особей другого пола, а потом всё изучить, куда какие мыши подадутся – к еде или к особям другого пола, это есть предмет исследований традиционной психологии. Пример второй. В тот же лабиринт посадим мышей-националов. Одна мышь – с американским флагом, другая – с немецким, третья – с нашим. Посмотрим, какая мышь в чью сторону быстрее шмыгнет, почувствовав симпатию. Так вот, модель поведения в данном случае – предмет изучения этнопсихологии.

Наука меня увлекла, пошла на пользу, даже практическое пособие опубликовал «Для советских специалистов, участвующих в международном сотрудничестве». По тем временам у меня на заводе под опекой было много иностранного люда: японцы, немцы, французы, итальянцы, шведы, финны... Приходилось заниматься не только организацией контрактных работ, монтажом оборудования, обучением кадров, но и решать бытовые проблемы, в том числе вопросы питания. А учитывая ограниченность наших тогдашних фондов, вопрос был не из праздных. И вот тут-то стал я делать интересные для себя выводы, даже кое-какие опыты ставить.

* * *

За ударные показатели в международном сотрудничестве организовали мы совместный пикник с выездом на природу – на живописный берег городского пруда.

Только вышли из автобусов, вытащили мангалы, ящики с лимонадом и пивом, главный немец дал команду по-ихнему:

– Alle, Achtung! Всем – внимание! Вот пакеты для мусора. Все объедки, окурки, бумажки, пустые банки и бутылки бросать только сюда. Гюнтер, ты лично отвечаешь, чтобы пакеты были собраны и вывезены в город для утилизации.

Немцы молча восприняли это как должное и неоспоримое. Правило существует, чтобы его выполнять. Наш русский брат к такому был ещё не совсем подготовлен, но мысль понравилась. Стали и мы бросать мусор на их, немецкий, лад в специальные полиэтиленовые мешки. Это только в пословицах говорится: «Дурной пример заразителен». Хорошие привычки тоже приходят с добрым примером.

* * *

Как-то не до весёлого застолья стало. Тема увлекла.

Бутылки закупорили обратно. Сидят «семинаристы», слушают. Уже по второму разу за чаем сходили. Потягивая горячий чай с лимоном, Вениаминыч неторопливо продолжает.

* * *

– И с японцами бывали казусы. Дело было зимой. Начальник цеха, где японцы закалочные печи монтировали, пригласил их как-то на свою заимку в лесу. Там у Славы пасека стояла. Ну и я поехал.

Пчёлы, конечно, спят, но баня, русская печь, жарёха из лосятины... Водки, разумеется, досыта. Сели, выпили, закусили.

Японцы наши штучки знают, от стаканов отказываются:

– Давай. По чуть-чуть.

Ладно. Выпили по чуть-чуть. Японцы просят на волю, воздухом подышать. Вышли. А природа, ребята, – загляденье! Ели, сосны – высоченные, снега – море. И тишина.

Главный японец спрашивает Славу:

– А покричать тут можно? У нас так стресс снимают.

Лучше было бы, если б Слава не согласился...

И давай японцы орать благим матом! У Славы пёс был на цепи. Так он, бедолага, от такого шума и матерщины на нерусском языке цепь оборвал и в самую чашу удрапал.

Но на этом дело не закончилось. Японцы, хоть и сопротивлялись нашему гостеприимству, всё же не устояли...

Привёз я их в гостиницу, стал по комнатам разводить. Вдруг слышу, один истошным голосом завопил, что-то где-то грохнуло. Пошёл я разбираться.

Он весь трясётся, бормочет:

– Я её (дверь) толкаю, а она не открывается. Я сильнее. Всё равно не открывается. Ну, думаю, КГБ у меня в номере обыск проводит. Я дома карате занимаюсь... С разворота ногой по двери «Кья!», дверь и сложилась.

Стою я, смотрю на японца и удивляюсь. Дверь-то движением на себя открывалась! Когда он сообразил, в чём промашка получилась, засовестился, прощения стал просить.

А утром у него ещё хуже вышло. Группе на работу строго по расписанию ехать, а он проспал. Их шеф его поднял и, не дав даже позавтракать, повёз в цех. В наказание за проступок не допустил до работы, заставил до обеда на самом виду у всех сидеть на «Стуле позора».

Вот такое у них проводится воспитание в коллективе. Нам многое в их поведении казалось необычным и непривычным, но только вначале, пока мы их толком ещё не понимали. И всё же у японцев мы тоже научились хорошему – умению давать себе психологическую разгрузку не с помощью водки, а через умение созерцать величие окружающего мира. Дисциплина и чувство ответственности – ещё один добрый пример, даже если это чувство формируется жёсткими уроками. А что тут плохого, в жёсткости уроков-то? Опыт приходит не только со сладкими словами и сюсюканьем. Горький, но справедливый и положительный опыт лучше слащавого заблуждения.

Но главное – у японцев мы научились уважительно относиться ко всем окружающим нас предметам, в каждой мелочи видеть частицу Бога. Знания и опыт порой приходят совсем не с той стороны, с которой ты ждёшь. Просто к человеку надо как следует присмотреться и попробовать понять его.

* * *

Было уже довольно поздно. Вениаминыч стал намекать, не пора ли на боковую. Женя, зажавшись в самый угол, казалось, не пропускала ни единого его слова.

– Виталий Вениаминович, расскажите ещё что-нибудь. Когда такое послушаешь!

Было заметно, как она изменилась: взгляд – серьёзный, полы халатика натянуты на колени. От прежнего кокетства и следа не осталось.

– Ну хорошо. Если это вам и в самом деле интересно...

* * *

Была у нас на шефмонтаже группа южных корейцев. Мы тогда сильно беспокоились, что наша еда для них необычна. И в самом деле, мы для них каждый день – мясо жареное, пареное, пельмени, куры запечённые... Ели они это, ели, терпели. Потом подходит ко мне их руководитель:

– Спасибо, но мясо уже надоело. Скажи, пусть ваши повара нам что-нибудь из морепродуктов приготовят.

Легко сказать, да не просто сделать. Где ж я эти морепродукты достану?

По большому благу в республиканской «Главрыбе» достал я морских окуней и кальмаров. Узнав про это, корейцы от радости просияли, дали поварам свои рецепты, какие-то свои мудрёные специи.

Наши девчата – опытные работники общепита, стажировку в московском «Метрополе» проходили. И вот сижу я у себя в кабинете, как вдруг из кухни на первом этаже такой дух пошёл, будто что протухло. Прибегает Надя, старший повар:

– Или мы что-то не то сделали, или вкусы у них дурацкие – уж больно всё пахнет.

Приглашает меня Надя на брокераж – снять пробу то есть. Сел я за стол, настроился на самое худшее.

– Если к обеду меня не вывернет, правильно всё сделали, – успокаиваю девчат.

А они на меня с таким соболезнованием смотрят, словно я что-то непотребное собрался есть.

Съел. Не вывернуло. Всё сделали верно. Ждём корейцев.

Приехали они на обед, ещё с порога учуяли родные запахи, радуются.

Потом, когда мы все привыкли к их ароматам, сами стали наворачивать только за ушами трещало. Я даже несколько рецептов у них перенял. До сих пор обожаю капусту по-корейски – кимчи. С красным перцем, чесночком. Всё дело – в привычке. Что касается меня, любителя коллекционировать рецепты простых и недорогих блюд, корейская кухня – настоящий клад. Я до сих пор благодарен тем, кто меня к ней приобщил.

А вот ещё пример. Бывали у меня на даче чилийцы. Стоял на дворе сентябрь. Калина покраснела, налилась соком. Красивая, привлекательная. Заметил у гостей из далёкой страны в глазах вопрос: «Что за диво?». Стал объяснять. И так и эдак – не могут понять.

Тогда я им сказал:

– Калина – это наш русский виноград.

Чилийцы понимающе закивали головами:

– Это нам знакомо.

И захотели на вкус калину попробовать... Ох и гримаса у них от этой калины была! Стоят, бедняги, всю калину выплюнули, несмотря на мои восхваления целебных свойств ягоды.

– Не дай Бог, чтобы наш виноград такого же вкуса был!

Не учли они поэтичности и образности наших русских сравнений. Когда же я им зачитал выдержки о лечебных свойствах калины из «Народной медицины», мои друзья попросили с собой кисточку, чтобы дома показать, как обманчивы бывают внешний вид и вкус ягоды. Я потом им даже рецепт пирожков с калиновой начинкой выслал по факсу, а они ответили на это словами благодарности. Разве не приятно от этого и им, и мне?

Всякое бывает. Помню, в послеперестроечные 90-е рванули наши за кордон в массовом порядке. Кто на ПМЖ, а кто просто поглазеть. Много народу выехало.

Вот проходит какое-то время. Поехали мы с женой в отпуск, на Мадеру. Я вообще люблю в отпуск ездить куда-нибудь на острова. Там свои особенности, своя культура. И в этот раз я не ошибся. В порту Феншалл заметили интересную рекламу: «У нас вы можете пообедать всего за 9,99 евро. Вот, извольте, с меню можно ознакомиться». Удивились мы, что так дешево. Пошли, спрашиваем: нет ли ошибки какой? Говорят, всё так и есть.

Пообедали мы вкусно и сытно, грех жаловаться. Несут счёт. Смотрю и не понимаю: откуда ещё 10 евро? Подзываю официанта, прошу разъяснений. Тот и пояснил:

– За основные блюда вы заплатили по 9,99, а по 5 евро с человека мы берём за хлеб. Вы поджаренные с чесноком хлебцы со стола брали?

– Брали, если они были, – говорю.

– У нас хлеб входит в отдельную стоимость. Извините, что не предупредили.

Хохотали мы от души, даже попросили пригласить хозяина.

– Bravo! Ни за что бы не поверили, что в Португалии нас «обуют» чисто по-русски!

Мы смогли как бы со стороны посмотреть на себя и оттого так искренне смеялись.

А ещё был случай в Америке. Есть у меня в Нью-Йорке два закадычных друга – братья Семён и Фима Гинзбурги. Когда-то вместе работали на одном заводе. Потом они получили Green Card и перебрались с семьями в Америку. Давненько с ними не виделись, а тут такой случай подвернулся: я транзитом (на целых десять часов) залетел в Нью-Йорк. Заранее созво- нившись, договорились о встрече. Я ещё из зала прилёта не вышел, а уже слышу их возбуж- дённые голоса:

– Давай сюда, мы здесь!

Стоим, обнимаемся, слёзы утираем. Какая ж это радость – с друзьями повстречаться!

Приехали к ним на Brighton. Здесь английская речь ушла на второй план, как бэк-вокал. Везде – вывески на русском языке... так об этом давно все знают. Вошли в подъезд, а там какой-то чернокожий парень полы моет. Проходя мимо таблички «Осторожно! Мокрый пол!», Семён махнул парню:

– Hi!

Повернулся ко мне:

– Ты ему скажи, что ты – мой либший русский друг. Я по-американски так и не научился, мать их...

Я перевёл. Парень расплылся в белозубой улыбке.

Вошли в квартиру. Апартамент, по-ихнему. Там уже все в сборе: жёны, дети, внуки. Жен- щины давай реветь в голос, обниматься, целоваться:

– Как там дома?! Как в России?!

Допросив меня с пристрастием, повели в просторную кухню, к столу. Ефим с гордостью показывает:

– Икра – русская, хлеб – ржаной, сёмга – русская, водка – тоже. Мы ведь русские люди!

Семён подначил:

– Эх, Фима, казак ты наш еврейский!

Фима не остался в долгу:

– Да ты на себя погляди!

Под приятный разговор накатило «за встречу», закусили квазирусской снедью. Мужиков понесло вспоминать былую жизнь. Женщины, чтобы не стеснять своим присутствием, пода- лись с кухни в зал.

Я их про то, как они в Америке обустроились, а они всё о своём. О том, как работали на заводе по пятнадцать часов в сутки, гнали производственный план, матерились и с начальством, и с подчинёнными, как спирт пили, как баб на стороне обхаживали.

– Какая была замечательная жизнь! Кипучая, полнокровная, весёлая! На всё хватало и сил, и времени: и работать, и в кино сходить, и для семьи что-либо достать. И друзей – полно...

Я с Семёном не согласился:

– Вспомни, как ты готов был сорваться хоть в Израиль, хоть в Штаты, хоть к чёрту в пекло. Ребята, вы же о молодости ностальгируете. С твоими болячками, Сеня, если бы не Америка, ты сейчас общался бы с нами из-под земли из деревянного ящика.

Семён призадумался:

– Да, тело они мне подлечили, а вот душу... Они её здесь просто не понимают... Песни под гитару, шашлыки в складчину, соленья-варенья, футбол, детям сопли подтереть... Здесь такого нет и никогда, наверное, не будет. Мы здесь – возмутители спокойствия. Вот стали поговаривать, что отцам города Нью-Йорка пришла в голову идея расселить Brighton. Мы – как рассадник духовной заразы. Ну привёз я из России десяток банок икры, ну поделился со своими... Оказывается, я – преступник: не задекларировал на таможне, не заплатил пошлину.

– Сеня, если бы ты один так делал. Это же делают все «бывшие», а их в Америке – мама моя родная!

Семён продолжал:

– Они ещё при Советах боролись за права человека: свобода слова, свобода выезда... Ха! Теперь в России столько свобод, что Америку переплюнули. Хлынул наш люд и в Европу, и в Израиль, и в Америку. Ну и что?! Там уже и не рады русским переселенцам, ввели квоты на иммиграцию. Поздняк метаться, господа, наши уже здесь.

* * *

В купе заглянула проводница:

– А я смотрю, куда это мои пассажиры подевались?! Вы что, спать вовсе не собираетесь? Вагон уже весь отдыхает.

– Мы ещё посидим. Мы тихонечко, никому не мешаем, правда? – за всех заступилась Женя.

Понимающе кивнув, проводница вернулась к себе.

Вениаминыч продолжал.

* * *

Жизнь, к сожалению, получается какая-то разухабистая. Сменились прежние моральные ценности, в людях проснулись алчность и эгоизм. Нет, никто не говорит, что в старые советские времена было всё чинно и благородно. Грязи там хватало. Но раньше на нас идеологи шоры напяливали: жили, как шампиньоны – в тепле, во мраке и ели дерьмо. Теперь же нас разделила чья-то жажда власти. И деньги. Разодрали страну, напридумывали границ. Но это уже эмоции. Весь мир сегодня перекраивается, режется по живому. Кто-то объединяется, кого-то разъединяют. Жаль только, что за всё приходится платить людской кровью.

Чего я хочу? Что предлагаю? Критиковать, протестовать мы все горазды. Знал бы ответы на все вопросы, возомнил бы себя пророком, стал бы проповеди читать...

Все с нетерпением ждали от Вениаминыча откровений.

– Подведём, дамы и господа, предварительный итог... При чём тут, спросите, национальная кухня, ягода-малина, привычки и традиции? Хочу, молодые люди, поделиться сокровенным... Не обессудьте за прямоту.

Национальные традиции, кухня, песни, одежда, ритуалы, привычки не должны рассматриваться нами, как внешняя скорлупа. За всем этим стоят внутренняя мотивация, личный выбор человека. Неповторимость и своеобразие поведения человека в своей родной, национальной среде – вот что интересно. Ещё интереснее жить в наше стремительное время на стыке культур. То, что в других тебе кажется странным или непонятным, – это всего лишь иллюзия, сформированная ограниченной средой, что никак не может быть истиной. . .

Хватит нам юродствовать над собой, над своей мнимой нестандартностью, несовместимостью менталитетов. Довольно нам низводить своё национальное духовное достояние до уровня комиксов и самоунижения. С ускорением ритма жизни, когда расстояния стали короче, сам земной шар становится меньше, теснее наши взаимные узы с другими национальными реалиями. Оставаясь самим собой, представителем своей национальности, современный просвещённый человек должен с пониманием и уважением относиться к людям другой культуры. Видя многообразие других, проникая в суть мотивации их поступков, ты и сам начинаешь глубже осознавать свою природу. Творец создал нас разными, но только мы сами призваны переступить через наши собственные барьеры отчуждения. Господь дал нам, людям, великое многообразие языков не случайно. Опыт строительства Вавилонской башни не прошёл даром. Наблюдая за тем, как мы ищем взаимопонимание и находим его, Он улыбается – его уроки пошли всем нам на пользу. Не побоюсь казаться высокопарным, но я твёрдо верю, что, возлюбив человека, который в чём-то не похож на тебя, шире смотря на многообразие в мире, идя друг к другу с добром, начинаешь понимать, как твой собственный внутренний мир открывает новые просторы. Знать о существующих между народами различиях – важно, но ещё важнее находить пути взаимного понимания и уважения.

– Многим из всего уже сказанного хотел с вами на семинаре поделиться, но так уж получилось. . . Женечка, а ведь это вы меня спровоцировали. Чудная вы женщина, – сказал Вениаминич и полез на свою полку.

Картинки из прошлого

История может быть увлекательной вещью. Особенно когда в ней есть хотя бы толика твоего личного участия. У каждого из нас наверняка есть свои истории.

* * *

Это было достаточно давно, в пору моей учёбы. Записался я на курсы военного перевода. Занятия проводил отставной полковник – бывший сотрудник военной разведки. Звали его Сергей Иванович Иванов. Полковник Иванов прекрасно знал свой предмет, а по-английски и по-немецки говорил как на своём родном языке.

Учил он нас разным тонкостям ремесла.

– В иностранном языке для профессионала мелочей нет. Иногда ошибка может стоить вам жизни, – говорил нам бывший фронтовик.

И в качестве иллюстрации рассказал такую бль.

Во время войны, когда уже был открыт «Второй фронт», немецкая разведка успешно внедрила своего сотрудника в тыл американцев. Лазутчик был специалистом своего дела, и хотя янки сразу почувствовали, что у них завёлся «крот», поймать его не могли, несмотря на все старания контрразведки.

И вот однажды к пункту заправки топливом подкатывает Willys. За рулём, судя по униформе, – офицер Армии США.

Подрулив к сержанту, офицер на английском языке с хорошим американским произношением обратился к младшему по званию:

– Сержант, мне нужно пять галлонов бензина.

Чернокожий сержант неторопливо осмотрел машину, заглянул внутрь.

– Мне следует позвонить командиру и получить разрешение на выделение топлива сверх плана.

Сержант зашёл в помещение и лениво стал крутить диск телефона. Хорошо скрывая внутреннее напряжение, офицер посматривал на часы.

Сержант вновь появился:

– Сэр, командир сейчас перезвонит. Бензин будет. Подождите минутку.

Офицер спокойно вышел из машины и направился к обозначенному для курения месту. Закурил, затянулся, стряхнул пепел:

– Окей, нет проблем.

Действительно, ждать ему пришлось недолго. Буквально через пару минут на площадку выкатил грузовик с взводом морских пехотинцев. Через считанные секунды все пути к отступлению были перекрыты. Шпион был взят.

Как это получилось, где он дал промашку?

Дело в том, что он, говоря о бензине, использовал слово petrol. Опытный разведчик, он тем не менее не учёл, что petrol – британское слово. В Америке – это аномалия, где стандартом является слово gas или gasoline.

Сержант сразу смекнул, что перед ним мог стоять кто угодно, но только не американский офицер. Остальное, говоря языком профессионала, дело техники.

* * *

Спустя много лет, с той поры когда мне довелось услышать эту поучительную историю, я сам попал в чём-то похожую ситуацию.

Однажды, будучи по делам на юге Германии, я зашёл в уличное кафе чего-нибудь перекусить.

– Что вам угодно? – вежливо обратилась ко мне пожилая фрау на раздаче.

– Пожалуйста, две белые баварские колбаски и кружку пива.

– Что изволите на гарнир?

Без тени сомнения в голосе я отчеканил:

– Тушёную квашеную капусту, пожалуйста!

– Was? – удивлённо посмотрела на меня немка. – Капуста с белыми колбасками не идёт.

У нас в Баварии так не принято. Красные сосиски можно, но белые...

«Хорошо, – сообразил я, – она не поняла, что я не немец».

– Не стоит беспокоиться, считайте, что это всего лишь мой маленький каприз.

Фрау неодобрительно повела бровью и как-то неохотно положила в тарелку капусту. Взяв свою тарелку и пиво, я начал медленно есть. Еда была отменная – свежая и здоровая. Я не мог понять, что ей не понравилось в таком сочетании. «Эти немцы просто странные какие-то, – сделал я вывод для себя. – Хотя что я вообще знаю о немцах?»

Дитя послевоенного времени, я рано узнал, что у немцев были пушки от Kurr, самолёты Messerschmitt и Fokker. Наверняка, немцы хорошо знали наши «катюши», пистолет-пулемёт ППШ, «летающий танк» – штурмовик-бомбардировщик Ильюшина.

Помню, как мальчишки из соседних дворов приходили на нашу улицу и мы играли в войну. По неписаным законам одна ватага была «немцами», а вторая – «советскими». Каждый раз, как дань справедливости, роли менялись. «Немецкие» войска были вооружены Schmeisser и пистолетами Walther, гранатами и ножами, вырезанными из куска доски, тихонько «свистнутой» из отцовского сарая.

Для нас, мальчишек шести-десяти лет, Schmeisser был общим названием всех видов немецкого автоматического оружия. На вооружении у «русских» стояли легендарные ППШ и пистолеты ТТ. По команде войска занимали позиции: пулемёты – по флангам, стрелки – в центре, снайпер – в укрытии. У командира с каждой стороны были войска спецрезерва. Что это были за войска, никто не знал, кроме самого командира. Каждый раз род этих войск менялся так, что порой у бойцов рты от удивления открывались: «Вот это да!».

– Раз, два, три... Огонь!

– Бах, бах, бах, – раздавались одиночные выстрелы ТТ и Walther.

– Тра-та-та-та-та, – вторили автоматы.

То тут, то там «грохотали» гранаты.

В самый критический момент наш командир даёт команду:

– Ввести в бой спецвойска.

Аналогичное решение принимает и «немецкий» командир.

С невероятным рёвом, широко раскинув руки в стороны, на предельной скорости бегут двое мальчишек – в бой вступают секретные ВВС! И те и другие уворачиваются от огня средств ПВО. Тогда немецкий истребитель – мальчишка повзрослее идёт на таран и сбивает советскую машину. Русский «ястребок», вопя от боли и обиды, с мокрой физиономией, размазывая кулаком слёзы и грязь, грозит отомстить обидчику.

Командир первым идёт на помощь:

– Пехота, немцы нашего сбили. В атаку! Вперёд! Ура-а-а!

Как обычно, сценарий любого боя заканчивался рукопашной схваткой. Стороны расходились только тогда, когда уже достаточно носов было расквашено, навешано достаточно синяков и шишек. Бой закончен. До следующего раза.

* * *

Как-то, возвратившись домой после очередной «битвы», с подбитым глазом и злым по поводу того, что в этот раз была моя очередь играть роль немца, я попытался проскользнуть незамеченным. Однако отец меня увидел первым.

– Что случилось? – спросил он спокойным голосом.

– Ничего, – солгал я и отвёл глаза.

– Я же вижу, что случилось. Подрался? Я угадал? Эка невидаль!

– Ненавижу немцев! – почти закричал я в ответ.

– Остынь, сынок. Скажи, в чём дело?

– Я не хочу, чтобы меня назначали «немцем»! У нас никто на улице не любит немцев.

– Согласен. Плохо быть фашистом и убивать людей. Но не только фашисты живут в Германии, поверь мне. Есть там и много хороших людей.

– Ты откуда знаешь? – всё ещё дерзил я.

Отец присел на угол табуретки.

– Мне было шестнадцать, когда началась война. Как все мои друзья, я рвался на фронт. В конце концов мне повезло – я был повыше и покрепче своих сверстников. В 1942-м меня призвали в армию, но уже в первом бою меня контузило, и я очутился в плену.

– Пап, а как быть в плену? – тон мой изменился, и я подошёл к отцу поближе.

– Ничего хорошего, сынок. Но всё же я научился отличать одних немцев от других. В Дюссельдорфе, куда пришёл наш эшелон, меня отдали в одну семью в работники.

– Как раба? – ляпнул я.

– Вроде того... – отец нахмурился и на какой-то миг замолчал. Потом снова заговорил: – Это были уже пожилые люди – муж и жена. Трудолюбивые. Они как-то сразу привязались ко мне. Кормили неплохо, иногда подкидывали почти новую одежду. Как потом выяснилось, это была одежда их сына, который погиб на Восточном фронте. Когда война уже заканчивалась, они хотели, чтобы я остался у них. Предлагали усыновить.

– Па, а почему ты не остался? – этот разговор меня всё больше и больше интриговал.

Не стал он говорить о долге перед Родиной, о патриотизме, ответил не мудрствуя:

– Потому что у меня дома в России были свои отец и мама. Они меня любили, ждали и верили, что я вернусь.

– А что было бы, если бы ты не вернулся?

Отец как-то грустно улыбнулся и ответил:

– Да ничего особенного, наверно. Я не встретился бы с твоей мамой, не женился... Ты бы не родился на свет.

Отец снова замолчал, закурил свой неизменный «Север» и, глубоко затянувшись, через ноздри выпустил густое облако сизого дыма.

Я восхищался тем, как это здорово у него получалось! Он казался мне таким взрослым, таким сильным. Но эта исповедь, жестокий реализм его жизни прозвучали для меня почти как конец света. Неожиданно со всей остротой я понял, что его война и та, в которую мы играли с пацанами, так не похожи друг на друга. Мне стало жутко от этого открытия.

Со свойственной для детей открытостью и переменчивостью взглядов я твёрдо сказал:

– Пап, обещаю, я не буду больше ненавидеть немцев... Тех, кто хорошие.

– Всё в порядке, сынок, – он, как-то по-взрослому подбадривая, похлопал меня по плечу.

Сколько помню своего отца, он никогда больше не касался этой темы, этого периода своей жизни. Он прожил трудную жизнь и умирал так же тяжело. Уже потом, в школе и институте, я слушал Баха, изучал Шиллера, Гёте, Фейербаха. Очевидно, и каждый культурный немец знает нашего Льва Толстого, Фёдора Достоевского, Петра Чайковского... И всё же этого чертовски мало, чтобы жить и работать вместе – нам и немцам.

* * *

Человеческая память – сложный инструмент. Мотивы воспоминаний бывают разные – прямые и косвенные, ассоциативные, от чего разные складываются картинки прошлого.

Тогда, в кафе, мне вспомнились и детские игры в войну, и отец, и тот поучительный рассказ старого разведчика. Подумал: будь я на секретном задании и допустил бы такую плюху с сосисками, моя разведмиссия закончилась бы пулей во лбу раньше, чем я осознал бы свою ошибку. Scheisse... Очень скверно.

* * *

Заканчивая пить пиво, я взял поднос и, проходя мимо стойки, снова заговорил с той же дамой – благо что в зале почти никого не было:

– Простите, но я тут совсем чужак. Не хотелось выглядеть неловко, но так уж получилось. Я – из России.

– Wirklich? Неужели? – спросила моя новая знакомая.

– На сто процентов!

– О, мой муж работал одно время в России. По контракту. Город Пермь знаете?

– Разумеется.

– Скажите, а вам действительно нравятся белые колбаски с квашеной капустой? – с ноткой сомнения переспросила фрау.

– Естественно. Отличная пища.

– Хм... Надо мне самой как-нибудь попробовать, – интонации фрау стали вновь вежливыми и, как мне показалось, почти дружескими.

От тайги до британских морей

Дёмину явно не везло. Отработав по спецконтракту в группе военных консультантов в одной из арабских стран, он вернулся домой и, дав ещё одну подписку о неразглашении, был готов начать обычную гражданскую жизнь. В Управлении ему было предписано «отлежаться на дне», а потом выйти на связь по указанному телефону с указанным человеком. Ему сказали, что работа за рубежом будет засчитана в стаж воинской службы по схеме «три – за один», то есть за год работы – три годы службы. Он подумал, что для того пекла, в котором он жарился целых два года, схема вполне справедливая. Такие привилегии предоставлялись либо за участие в боевых действиях, либо за выполнение заданий особой важности. У него в послужном списке значилось и то и другое. Ему сделали необходимые отметки в удостоверении, но на руки выдали фиктивный воинский билет для рядового состава с отметкой об отсрочке, чтобы по месту жительства не было вопросов у военкомата.

Чётко выдержав установки, он позвонил в Москву. Переспросив, как его зовут, ему сообщили, что нужный ему человек здесь больше не работает. Он понимал, что по правилам игры ему вряд ли скажут, и тем не менее спросил, где этого человека можно найти, дело важное.

После некоторой паузы голос по телефону ответил, что этого человека вообще уже нет. Потом поинтересовался:

– Вы у нас работали?

– Да, – сказал он, – в группе Максимова (имя кодовое).

Телефон назначил время повторного сеанса связи: дату и час.

Он снова был пунктуален – приучен.

На этот раз ему ответили коротко и ясно:

– Продолжайте учёбу в аспирантуре. Ваша предполагаемая командировка отсрочена. Если будете менять место жительства, не беспокойтесь – ваша учётная воинская карточка у нас на контроле.

К аспирантуре душа у него не лежала с самого начала. Ему, привыкшему к активной, полной риска жизни, сидение за книжками было в тягость. И ко всему ещё он здорово поругался с ректором.

Жена оканчивала институт прикладной электроники, и ей уже пришло распределение. Конечно, можно было бы упереться рогом, добиться для неё открепления, но они, посоветовавшись, решили ехать в Сибирь. Прописавшись и став на учёт, оба приступили к работе. Не прошло и двух месяцев, когда ему принесли повестку из райвоенкомата. Подумал, что это, возможно, связано с той самой предполагаемой командировкой, но у военкома для него был сюрприз. До двадцати семи ему оставалось чуть больше полугода – пора отдавать свой долг перед Родиной, идти по призыву в армию. Разъяснить и что-либо требовать он не мог – дамочным мечом висела подписка.

Несколько раз звонил в Москву, но каждый раз попадал в какую-то квартиру – у телефона сменился хозяин. Где-то что-то не срослось, сложилась почти безвыходная ситуация.

Больше всего переживала жена. Ей, только что приехавшей в чужой город, толком не обзаведшейся подружками, оставаться здесь было страшновато. Но делать было нечего, и он, наголо остриженный и обритый, с группой вновь призванных, которую сопровождал молоденький сержант, сел в прицепной вагон.

Таких великовозрастных, как он, было пять человек. Их жёны пришли на перрон, утирают слёзы и машут вслед уходящему поезду. Там, на вокзале, они все перезнакомились, там же завязалась их дружба, дружба солдатских жён.

Попал он в инженерно-сапёрный батальон, отбыл своё в карантине. Стали командиры судить да рядить, кого из новобранцев в какую роту зачислять.

Был в части старший лейтенант Княжев. Закрепилась за ним слава немного придурковатого, взбалмошного и злопамятного человека. Этим набором качеств Дёмин был несколько удивлён – уж больно противоречивое сочетание.

Командовал Княжев взводом подрывников-диверсантов. Вот к нему-то и обратился Григорий Дёмин с просьбой взять его во взвод.

Княжев, на год с небольшим младше Дёмина, заважничал, стал набивать себе цену.

– Профессия подрывника сопряжена с риском для жизни. Это – опасное дело. Сапёр ошибается только раз в жизни. Без права на ошибку.

Григорий слегка потрафил ему:

– Всю жизнь мечтал о настоящей мужской работе. Обещаю службу нести ответственно и добросовестно.

Княжев хмыкнул и, глядя исподлобья, заметил:

– Это уж я буду определять, кто как служит. Не умеешь – научим, не хочешь – заставим.

Ему не нравился этот университетский умник, но он пообещал переговорить с командиром роты и просьбу солдата удовлетворить.

Так Дёмин определился со своей жизнью на ближайший год.

Теоретические занятия шли вперемешку с караульной службой. В резервной части, находившейся во втором оперативно-тактическом эшелоне, было много инженерной техники. «Ремки» – бойцы ремонтного взвода были заняты тем, что ремонтировали и профилактировали. Хозвзвод выращивал огурцы и помидоры, ухаживал за поросятами в воинском хозяйстве. Авторота была постоянно в разъездах, поэтому чаще всех в караул заступали сапёры, ходили «через день – на ремень».

Однажды начальником караула был назначен старший лейтенант Княжев. Дёмину доверили Первый пост у знамени части. Днём часовой обязан постоянно находиться у знамени, а в часы ночного дежурства ему разрешалось ходить по всему коридору. В эти ночные смены, нарушая устав, он умудрялся читать. И для развития полезно, и спать не охота.

Бревенчатое здание штаба части, где находился Первый пост, уже заметно ветшало. Новый командир батальона майор Варма, только что прикомандированный после службы в ГСВГ, выбил в округе фонды и лимиты и затеял ремонт.

Начали с первого этажа, где располагались финансисты, тыловики, связисты и шифровальщики. Не трогали пока второй этаж.

Зная привычку Княжева устраивать ночные проверки, Дёмин читал, стоя у лестничной площадки. Тут и знамя под присмотром, и, если кто пойдёт, будет слышно, как открывается входная дверь.

Уже за полночь, ещё дверь не отворилась, он услышал крадущиеся шаги – выдавал скрип снега. Спрятав Фенимора Купера за батарею, стал ждать.

Грубо нарушая правила караульной службы, Княжев шёл один, без разводящего. Вот он пошёл, аккуратно наступая на края деревянных ступеней. Чтобы не скрипели.

– Ну, шпион хренов, давай, – почти вслух сказал Дёмин.

Чуть отступив от перил, он стоял прямо над Княжевым, сняв с плеча автомат. Когда Княжев переступил через очередную ступень, Дёмин легонько ткнул его в спину прикреплённым к стволу штык-ножом и вместо окрика, прошептал:

– Стой! Кто идёт?

От неожиданности Княжев споткнулся, промахнулся мимо опоры и кубарем покатился вниз. Вскочив на ноги, он закричал:

– Рядовой Дёмин, я тебя за такие шутки на гауптвахту посажу!

С трудом сдерживая спазмы хохота, Дёмин крикнул в ответ:

– Старлей, за нарушение устава ты мог бы здорово поплатиться. Я мог бы применить оружие на поражение. Свидетелей ведь нет.

Хлопнув дверью, Княжев, энергично скрипя снегом, отправился назад в караульное помещение.

Сдав пост, Дёмин сидел с бодрствующей сменой. Входит сержант Тихонов.

– Тебя начкар вызывает. Жди вздрючки.

– Вы что, думаете, вы лучше меня знаете устав?! Да ты ещё пороха не нюхал! Элементарную разводку минного поля хрен сделаешь! – от возбуждения Княжев обращался то на «вы», то на «ты».

– Товарищ старший лейтенант, я готов поспорить, что смогу.

– Весной будут учения, там докажешь. Вы – плохой солдат, Дёмин. Вы думаете, что если «деды» вас уважают, то вы уже здесь – кум королю, сват министру? Плачет по вам губа, товарищ рядовой!

– Послушай, старлей, тебе никогда не понять, каково в армии быть рядовым, потому как сам никогда им не был.

Дёмин, не говоря больше ни слова, резко развернулся и вышел в коридор.

Осадок от разговора с Княжевым был скверный. Гадкий, можно сказать.

Наступила его очередь спать. Так положено: стоять на посту, бодрствовать и спать караульные смены должны по два часа, по очереди, в течение суток. Он лежал на боку, закрыв глаза, но его всего колотило от только что состоявшегося выяснения отношений.

Наконец после долгой зимы пришла весна. Батальон активно готовился к предстоящим учениям. Поговаривали, что на «смотрины» приедет сам командующий округом генерал-майор Булавко.

В учебных классах, расположениях рот, на плацу – везде шла генеральная уборка. Завершался и ремонт здания штаба части. Энергичный и хозяйственный Варма гонял своего зама по тылу и в хвост и в гриву.

На вновь разбитые газоны завезли торф, густо посеяли овёс и первые дни поливали горячей водой, чтобы быстрее взошёл. Через неделю газоны покрылись бурной зеленью.

Булавко приехал под вечер. На своём неизменном уазике. Провёл оперативное совещание, заслушал доклады не только комбата, но и командиров рот – всё готово.

После ужина Дёмин сидел в каптёрке, заканчивал чинить сапоги. Затрезвонил телефон.

– Дежурный по роте младший сержант Ломаев слушает! Так точно, товарищ майор!.. Сейчас дам команду... Есть!

И обратился к Дёмину:

– Рядовой Дёмин, бегом к комбату. Срочно!

Постучав в дверь, Дёмин вошёл в кабинет и, сориентировавшись, обратился к старшему по званию:

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться к товарищу майору?

Булавко махнул рукой:

– Отставить! Проходи. Виктор Петрович, ты можешь пока идти, а мне нужно переговорить с глазу на глаз.

Варма вышел.

– Странные письма я стал получать в последнее время, товарищ рядовой. Ладно, на первое уже дали ответ. Но вот второе касается вас лично. Я хотел это дело поручить Варме, но, коль приехал сам, хочу вас лично выслушать.

Булавко делал подчёркнутое ударение на «вы» и на «вас».

– Мне рекомендовано провести с вами беседу, сообщить, что вы должны выйти на связь с какой-то Марией Ивановной вот по этому телефону, – он протянул Дёмину листок. – Мне также предложено перевести вас в другую часть, поближе к штабу округа... Это что за хрен-

ерундень, товарищ рядовой!? У тебя что, такой блат в министерстве? Я вам что, сводник какой-то!? Не хватало мне, боевому генералу, передавать какому-то рядовому какие-то телефоны какой-то Марии Ивановны! Мне просто любопытно знать, чёрт возьми, что у меня в частях творится!

– Товарищ генерал-майор, я не могу отвечать за поступки других. Должен поставить вас в известность, что в призыв я попал либо по чьей-то ошибке, либо в силу стечения обстоятельств, либо по какому-то плану, о котором не имею ни малейшего представления. К сожалению, я не могу вам много рассказать в силу подписки.

– Тебя что, от уголовки ко мне спрятали?

– Однозначно нет. Мне также в своё время было рекомендовано на год-другой уйти в тень. Я даже стал подумывать, что меня специально засунули в армию. Здесь как у Христа за пазухой – захочешь, не достанешь.

– Загадками говоришь, Дёмин, а загадки я не люблю.

– Разрешите поделиться соображением?

– Ну давай, слушаем.

– За телефон спасибо. Это очень важный момент. Но, если бы там я действительно понадобился, меня бы давно уже отсюда выдернули, поверьте. Если же всё это только рекомендовано, то вы в праве принять своё собственное решение...

– Ты меня не учи принимать решения, солдат! – багровея, рявкнул Булавко.

– Никак нет, товарищ генерал-майор. Об одном прошу: не переводите меня из этой части. Мне она особенно дорога. Я по-новому взглянул на жизнь и уверен, что солдатский паёк ем не задарма.

– Пиши рапорт на моё имя. Если понадобится, комбат подаст ходатайство. Я подумаю. А ты завтра покажешь, как обрабатываешь армейский хлеб.

Ночью батальон подняли по боевой тревоге. С вечера уже прошёл слухок, что ночью выдвигаемся в район учений, поэтому солдаты спали вполглаза.

На полу в оружейке лежали вещмешки и противогазы. Когда завывла сирена, собрались быстро, построились поротно, и Варма дал команду: «По машинам!».

В обозначенный район прибыли только к утру. Поставили штабную палатку, соорудили полевые туалеты – по одному очку на десять бойцов, развернули полевую кухню, а потом уже занялись палатками для офицеров и рядового состава. Завтракали сухим пайком, по отделениям, чтобы в батальоне не нарушать заданного ритма.

К обеду заработала кухня, и бойцы с удвоенным аппетитом принялись за щи и гречневую кашу с тушёнкой. В чай повара добавили только что распустившиеся листья дикой чёрной смородины. Чудный получился чай!

После совещания в штабе вернулся Княжев, стал излагать задачу сержантам. Он так разошёлся, что слушающие даже вспотели и сняли пилотки. Он предупредил, что отделение, в котором служит Дёмин, поступает в его личное распоряжение.

Выйдя из палатки Княжева, Лядов в сердцах выругался:

– Ну и дурень! Такое ведь и роте не под силу.

– Ай, да ну его, чокнутого. У него одна извилина, да и та – от фуражки, – разрядил обстановку Лыков.

Вспомнив про разговор с генералом, Дёмин подумал, что тот поставил Княжева ему в просмотрщики. «Ну и хрен с ним! Разберёмся».

В задачу этой группы входила организация минирования и диверсионных мероприятий: заложить взрывчатку под мост через реку, проложить трассу и поставить противопехотное ограждение на узком участке в направлении вероятного наступления противника. Когда стали закладывать тротиловые шашки под конструкцию бревенчатого моста, Дёмин предложил иную

схему: уменьшить силу зарядов, расположить их на опорах в перекрёстном порядке, чтобы сам мост остался целым, но при этом его развернуло бы поперёк дороги.

– Мост ведь самым потом восстанавливать.

Княжеву идея понравилась.

– Я ваше отделение таким вещам не учил. Колись, где вычитал?

Дёмин только подмигнул:

– Да так, в какой-то книжке. Ещё не вечер, товарищ старший лейтенант, пора трассу бросать.

Теперь наступил черед Дёмина удивляться.

Княжев продемонстрировал своё последнее изобретение:

– Тянуть провод поверху – дилетантство, сразу заметят. Лопатой щель копать – пещерный век, в норматив не уложимся. Смотри сюда. На рукоятки лёгкого плуга крепим катушку с проводами, которые по специальному лотку подаются в землю позади узкого и короткого лемеха. Остаточного развала земли практически нет, но глубина закладки трассы – самое то. Двое тянут плуг, а третий регулирует глубину подачи провода. Ну как?

– Всё гениальное – просто.

Похоже, зря заподозрил про Княжева. О таких несанкционированных штучках, в случае если бы он был подставой, Княжев сразу бы стал докладывать наверх. Но старлей был весь во власти учений.

– Работаем, а я проверю, как остальные справляются с заданием. Радист, дай мне Лыкова и Лядова.

С минированием справились нормально, с опережением графика.

Остальные отделения взвода также были заняты своими делами. Один за другим к Княжеву подходили сержанты с докладами. Работа подходила к решающему моменту.

С прокладкой трассы справились быстро, оставалось в запасе ещё минут двадцать пять.

– Парни, генерал по какой дороге будет проезжать? – спросил Дёмин.

– Вот по этой самой, на которой мы стоим, – ответил Тихонов. – По полю он не поедет – машину гробить жалко.

– Товарищ старший лейтенант, есть идея...

– Ты что опять придумал?

– Приготовим ему сюрприз.

– Это как?

– Давай на дороге ловушку поставим – муляж мины с сигнальными ракетами. Я всё покажу и сделаю, а?

– Булавко не дурак, он ездит осторожно, его не проведёшь.

– А мы аккуратненько. Говоришь, генерал хитрый? Вот здесь делаем имитацию минирования. Подмарафетим, но чтобы чуток видно было, а для пущей интересности сделаем так, будто через дорогу танк прошёл.

– Да какой тут, к чёрту, танк! Ты о каких учениях говоришь? – запротестовал подошедший Дурников.

– Всё верно. Он сразу смекнёт, что дело лопухи делали, расслабится. А на войне, ребята, расслабляться нельзя. Получается, ему двойная ловушка. Уйти вправо не даст кювет. Начнёт делать манёвр влево, а тут мы его будем ждать. Вон за тем кустиком. Как только подойдёт, мы кнопочку-то и нажмём.

– Ну, блин, Дёмин, ты меня сегодня поражаешь, – признался Княжев, почёсывая затылок. – Только боюсь я. Как бы генерал нам шкурку от... на голову не натянул за такие выдумки.

– Ничего, он вчера выразил пожелание, чтобы мы доказали, что не зря казённые щи хлебам. Вот и докажем.

Когда всё было готово, Княжев по радиации связался с КП. Оттуда пришла команда, что эта фаза учений для сапёрно-диверсионного взвода закончена. Надо ждать прибытия комиссии.

Уже через пятнадцать минут приехали Варма и ещё два офицера. Стали проверять минное поле, трассу и укладку тротила под мостом. Комиссии работа понравилась, особенно схема под мостом.

– Грамотно, я бы даже сказал, с юмором сработано. Княжев, готовь ходатайство о поощрении командира отделения, – распорядился Варма, выходя на дорогу, где всего в нескольких шагах, замаскировавшись, залегли Дёмин и Тихонов.

Генерал сразу засёк закладку, остановил уазик, вышел, осмотрел, скривил физиономию:

– Хреново сделано, комбат! Я её ещё вон с того поворота обнаружил! – крикнул он Варме.

Булавко снова влез в машину, указал водителю, как объехать учебную мину, чтобы правым колесом не нарваться. Но только уазик чуть продёрнулся влево и вперёд, раздался хлопок и в вечернее небо взвились три сигнальные ракеты: жёлтая, красная и зелёная.

От неожиданности водитель со всей силы дал по тормозам, генерал клюнул вперёд, чуть не стукнулся о панель. Варма и члены комиссии тоже трухнули, но не от взрыва, а от того, как из машины вылетел расвирепевший Булавко.

– Это что за хрень-перехрень, мать вашу перемать?! Кто минировал?!

Из-под куста, стряхивая с себя прошлогодние листья, ветки и траву выползал Дёмин. Тихонов оставался лежать, дыша через раз.

– Рядовой Дёмин, ко мне! – прогремел генерал.

По команде, услышав свою фамилию, он побежал, потом перешёл на строевой шаг.

– Товарищ генерал-майор, рядо...

Булавко прервал его:

– Ну-ка покажи, как ты меня рассчитал?

У всех присутствующих вид был бледный. Особенно напрягся Варма.

Дёмин исповедался как на духу: жестикулировал, показывал расчётную траекторию движения автомобиля, расчётную мощность заряда, про уловку с имитацией следа танка тоже упомянул...

Булавко подвёл черту:

– Достаточно. Мне всё понятно. Словом, продолжай служить в своей части, воин. Вот б...дь, генерала решил подраконить!

Весть об этом инциденте распространилась быстро. Если реакция рядового и сержантского составов была откровенно положительной («Это надо же, наш Гриня генерала перехитрил!»), то офицеры отнеслись к этому более сдержанно, только Княжев сиял, как бляха на ремне у дембеля:

– У Дёмина – моя школа!

В последний день учений генерал принимал парад.

Выстроившись в колонну по двое, солдаты чеканили шаг под батальонную строевую песню:

...И от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней...

Дёмину настала пора увольняться в запас.

Варма никогда не расспрашивал о его прошлом, о его разговоре с Булавко. Он, конечно, о чём-то догадывался, но совать нос в чужие дела – не офицерское дело. Он дал команду заму по тылу свозить Дёмина в окружное ателье, сшить ему парадный мундир солдатского покроя, но из офицерской диагонали. Пуговицы пришить также офицерские.

Зам хотел (в порядке инициативы) и шапку офицерскую выдать, но Дёмин от такой щедрости отказался.

– Шинель-то у меня солдатская, китель не видно, но если шапка будет не по уставу, то любой наряд остановит, начнёт мозги кочкать.

По ходатайству Княжева комбат подписал приказ «присвоить рядовому Дёмину очередное воинское звание “ефрейтор” в связи с увольнением в запас».

Обычно ефрейторскую лычку среди солдат пренебрежительно называют «соплёй», но тут Дёмина поздравляли без подколов и язвы. Заслужил.

Уже подписаны все документы, получены дорожное довольствие и билеты.

Дёмин подошёл к Княжеву.

– Ну вот, товарищ старший лейтенант, хочу попрощаться. Подошёл настоящий happy end.

– Это в каком смысле?

– Служба окончена. Если что не так, зла не держи, старлей.

– Мы ведь уже не на службе. Зови меня по имени.

– Хорошо, Сергей.

– Чтобы толком человека узнать, его метрики и послужного списка мало. – Княжева явно потянуло на риторику и философию. – Надо не только вместе пуд соли съесть, но и вместе одно дело делать... Слушай, а ты вправду тогда от перевода в штаб округа отказался?

– По-настоящему, об этом и речи не было. Так, просто рекомендации.

– Так ведь в штабе жизнь полегче, почище, не то что здесь, в грязи копаться, – Княжев испытывающе смотрел Дёмину прямо в глаза.

– Кажется, у Владимира Армишева есть такие стихи:

По колее ухабистой вертись,
Пройдут года, то плача, то смеясь.
Меня – как гвоздь в тележном колесе –
Жизнь то поднимет, то опустит в грязь...

– Грязь, брат, не та, что на солдатских руках и сапогах. Нравятся мне наши ребята, но пора мне возвращаться домой. Чувствую, настал и мой час – время подъёма, – пожимая Княжеву руку, закончил Дёмин.

Иван Петрович

Дык был выходцем из интеллигентной семьи. Отец – министр, мать – преподаватель Ханойского университета. Ему пророчили хорошее будущее. В 1968 году в составе группы вьетнамских студентов был направлен на учёбу в Чехословакию. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как в тот самый год наши и партнёры по Варшавскому договору ввели туда войска. Его быстро переоформили и отправили в СССР. В Воронеже он целый год изучал русский язык. Там же была сформирована группа для дальнейшего обучения иностранным языкам в Пятигорске.

Южный климат Кавминвод вьетнамцам был по душе. Учились они с прилежанием, жили в институтском общежитии, регулярно посещали собрания Вьетнамского землячества, вели почти аскетический образ жизни. И это было понятно всем – у них на родине шла война с американскими агрессорами.

Большинство вьетнамских студентов получали помощь от советского правительства: одежду, обувь, учебные принадлежности. Стипендию получали все, так как учиться плохо считалось делом недопустимым. Отчислений за неуспеваемость не было.

Дык слыл среди студентов либералом, носил не казённую одежду, а ту, что купили для него отец с матерью. Был более раскрепощённым и коммуникабельным. Языки давались ему легко, нравились философия, история, психология.

Для более глубокого изучения русского языка некоторых вьетнамцев расселили по комнатам, где проживали советские студенты: русские, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы, греки, дагестанцы... Для простоты общения дали ему русское имя и отчество: Иван Петрович. Этому Дык был рад: значит, признали за своего. Таким ни один из вьетнамцев похвастать не мог.

Прожили мы с ним в дружбе почти три года, ели и пили с одного стола. Потом наши пути разминулись. После четвёртого курса я уехал в длительную заграничную командировку, а он после окончания института вернулся во Вьетнам.

Ещё раньше, в знак дружбы пообещав помнить друг друга, обменялись координатами. Он дал адрес своих родителей, а я – своих.

С Ближнего Востока посылал я к праздникам открытки своим однокашникам, в том числе и Петровичу. Некоторые отвечали тем же, а вот мой вьетнамский друг молчал.

Из открыток я узнал, что один мой сокурсник – Саня Матвиенко, так же как и я, прошёл все отборочные тесты, комиссии, собеседования и наставления и, получив необходимые ходатайства, был откомандирован в Африку по линии Министерства нефтяной промышленности.

Саня бы настоящим вундеркиндом: память – фотографическая, умел здорово петь и играть на нескольких музыкальных инструментах. А уж по женской части ему вообще равных не было.

За учёбу Саня получал повышенную стипендию, хотя над книжками и конспектами никогда не корпел. Мы все сидели и зубрили, а он заливался под баян:

Нужны казаку: добрый конь,
Чтоб степь под копытами пела,
Калёный клинок да гармонь,
А бабы – последнее дело...

И хоть не были мы с Саней большими друзьями, стали изредка переписываться. Только Петрович исчез. Как в воду канул.

Я уже перебрался с женой в Сибирь, стал на заводе работать, а с Саней связь не теряли. Он хорошо устроился где-то в нефтяном ЦНИИ, стал часто выезжать на всякие симпозиумы. То в Японию, то в Нидерланды, то ещё куда.

Однажды получаю от него коротенькое письмо, где он намекнул, что его отец (а я знал, что папаша его генерал КГБ) помог найти ему новую работу, что он к ней давно уже готовился и что пишет мне последнее письмо, надеясь, что я соображу, по какой причине.

Я действительно понял, что о Сане вряд ли когда ещё услышу. Отец тут был, несомненно, закопёрщиком, но, положив руку на сердце, Саня был достоин той новой работы. Мне понравилось, что он честно признался, почему выходит из контакта. Не потому, что просто вычеркнул моё имя из памяти.

И о Дыке, нашем Иване Петровиче, я думал, что он не пишет в силу вьетнамских законов. А было бы интересно узнать, где он сейчас.

И вот приходит мне очередное письмо от родителей, а в конверте – записочка, испещрённая знакомым мелким почерком. Это была рука Дыка! Он сообщает, что снова, после стольких лет, вернулся в Россию, учится в Высшей школе МИДа. Дал свой московский контактный телефон: «Будешь в столице – звони. Очень хочу встретиться».

В Москве бывать мне доводилось часто. Работа такая. При ближайшей okazji я позвонил по обозначенному в письме номеру. Его голос я сразу узнал. Он – тоже. Похоже, обрадовался. Договорились встретиться в «Украине».

Я заранее сходил в ресторан, заказал на вечер два места. В положенное время мы встретились у входа, обнялись. Петрович возмужал. Вид холёный, одет со вкусом.

Зашли в ресторан, где метрдотель усадил нас на забронированные места. Зал полон народу – яблоку упасть негде, а у нас – просторно. Заказали водочки, два рыбных ассорти, пару жульенов, а на горячее – котлеты по-киевски и картофель фри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.